

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Статья посвящена анализу проблемы власти в современной экономической теории. Показано, что создание теории экономической власти предполагает отказ от ряда неоклассических предпосылок для базовой модели выбора экономических агентов и включение в поведенческую модель фактора неравенства, силы, ограниченной добровольности обмена.

Ключевые слова: *власть, экономическая власть, принуждение, неоклассическая теория.*

Постановка проблемы. Одной из теоретических проблем экономического развития, которая принципиально не может быть решена в рамках неоклассической парадигмы экономического анализа, является проблема экономической власти.

В самом общем виде власть представляет собой определенный аспект в отношениях между людьми, который состоит в способности «одного человека или целой группы навязывать свои цели другим» [1, с.126]. Власть представляет собой феномен экономической жизни общества, повседневного экономического бытия, факт наличия которого не подвергается сомнению. Отношения между экономическими агентами, как и всякие социальные отношения, включают в себя властную составляющую. Речь идет о власти собственника, власти менеджмента, власти профсоюзов, рыночной власти, власти государства, власти денег и пр. «Власть, – пишет Э. Тоффлер, – неизбежная часть процесса производства, и это – истина для всех экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то ни было» [9, с. 53]. Таким же бесспорным фактом хозяйственной действительности является и то влияние, которое оказывает власть на экономическое поведение людей, его содержание и результаты. Характеризуя значения власти в обществе, Б. Расселл отмечал, что власть является фундаментальным понятием в общественных науках в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием в физике [26, с. 9].

Анализ исследований и публикаций. В экономической теории к проблеме власти сложилось противоречивое отношение.

На одном полюсе находятся экономисты, которые включают власть в предмет экономического анализа и рассматривают её как фактор, который оказывает существенное влияние на хозяйственную жизнь общества. К. Rothschild характеризует этих экономистов как «power-minded economists and schools» [25, с. 15]. Сюда относятся представители марксистской школы, традиционного институционализма, теории хозяйственного порядка, социально-институциональной теории (французская школа).

«Что объединяет все оттенки политической экономии, – пишет Р. Холтон, – так это то, что экономические вопросы всегда должны рассматриваться в контексте властных отношений, независимо от того, утверждаются последние посредством экономических или политических механизмов» [19, с. 142]. Г. Альберт рассматривает проблему власти как «доминирующий вопрос экономики как социальной науки» [10, с. 28]. В. Ойкен отмечает: «Первой задачей национальной экономии является открытие конкретных фактов, обоснующих экономическую власть, и исследование действительного влияния экономической власти» [4, с. 337]. В работах Ф. Перру власть рассматривается как основополагающий принцип хозяйственной деятельности [22]. Проблема власти в капиталистической экономике находится в центре внимания институционального направления в экономической теории. По мнению В. Самуэльса, для институционалистов центральной экономической проблемой являются организация и контроль над экономикой, которые есть результат её структуры власти [15, с. 110].

Целью статьи является обоснование необходимости включения проблемы власти в предмет экономического анализа.

Результаты исследований. Общепризнано, что впервые в политической экономии власть как характеристика экономических отношений капитализма появляется в работах

К. Маркса¹. «В середине прошлого столетия, – пишет Дж.К. Гэлбрэйт, – он сделал вопрос о власти предметом экономической науки, и сделал это с такой страстностью, с которой многие не могут смириться по сию пору. Он отверг представление о капитализме как системе конкурирующих между собой и поэтому пассивных частных фирм, считая такое представление вульгарной апологетикой. В производстве господствует тот, кто контролирует и поставяет капитал. Власть владельцев капитала на предприятии безгранична. Цены и заработная плата устанавливаются в соответствии с их коллективными интересами. Владельцы капитала господствуют в обществе и определяют его моральный облик. Они контролируют также государство, которое превращается в исполнительный комитет, подчиненный воле и интересам господствующего класса. Не может быть речи о том, что власть связана с каким-либо другим фактором производства. На данной стадии исторического развития она совершенно явно и полностью принадлежит капиталу» [2, с. 87].

На другом полюсе – экономические концепции, отрицающие значение концепта «власть» для экономического анализа. Неоклассическая школа в экономическом анализе (mainstream economic), а также ряд других течений в экономической мысли (например, австрийская школа), отрицательно относятся к включению проблемы власти (за исключением монопольной власти) в предмет экономического анализа. В неоклассической экономической теории власть как общая характеристика экономической системы отсутствует, а соответственно, отсутствует и концепция экономической власти. Власть (принуждение) рассматривается как «посторонний фактор для производства», действие которого вызвано внешними для экономики силами или как отклонение от нормального (естественного) состояния экономической системы «Власть представляет собой табуированное слово в mainstream экономике», – вполне справедливо полагает А. Папандреу [21, с. 216]. «Значение и смысл власти в экономическом анализе, – пишет Д. Янг, – редко является предметом, который привлекает усилия теоретиков неоклассической экономической теории. Это не говорит о том, что термин “власть” никогда не используется или не играет существенной роли в определённых моделях. Но его использование склоняется к тому, чтобы употребляться очень специфическим и узким образом, и его альтернативные значения и широкий смысл редко признаются» [30, с. 85]. «В ортодоксальной неоклассической теории стандартная предпосылка состоит в том, – пишет П. Бардхан, – что использование власти отсутствует у обеих сторон, добровольно вступающих во взаимодействие» [11, с. 266].

Как полагают С. Боулес и Г. Гинтис, либеральная традиция в политической философии и экономической теории утверждает представление о том, что в идеальном либеральном капиталистическом обществе государство есть единственный агент, способный применять санкции, и, следовательно, является единственным источником власти. В соответствии с этой точкой зрения власть отсутствует в конкурентной экономике, хотя, конечно, экономическая власть может быть использована через государственную политику, влияние, лоббирование и т.п. То, что в неоклассической теории обозначается как «purchasing power» (покупательная сила), не есть власть в нашем обыденном понимании. Вместе с тем, как справедливо указывают авторы, власть явно присутствует в экономике – в руках ли банкиров, распределяющих кредиты, или капиталиста-нанимателя, направляющего деятельность рабочих. Характеризуя такую ситуацию как «пробел между элементарным наблюдением и либеральной экономической теорией», они отмечают, что истоки данного «пробела» лежат в особенностях господствующей общей теории равновесия, ассоциирующейся с неоклассической традицией, и особенно с Л. Вальрасом [13, с. 301].

Методологическим препятствием для включения проблемы власти в предмет экономического анализа являются общие поведенческие предпосылки неоклассической теории. Общее экономическое равновесие в модели Вальраса предполагает наличие равенства между экономическими агентами и, соответственно, отсутствие социальных ограничений для свободного выбора и добровольности в транзакциях между ними. Социальные препятствия для свободно-

¹Это дало А. Папандреу основание заметить, что одной из причин пренебрежения вопросом о власти в неоклассической экономической теории является «марксистский оттенок» данной проблемы [21, с. 216].

го обмена в виде принуждения в данной модели отсутствуют. Все трансакции свободны и добровольны. Такое состояние «по умолчанию» предполагается как «естественное состояние» экономической жизни общества.

Отсюда следует, что каждый агент ничего не теряет, отказываясь от текущей или наиболее предпочтительной трансакции в пользу другой, лучшей альтернативы. В этой ситуации не существует агентов, способных применить санкции к другому агенту. Например, если рынок рабочей силы имеет совершенный характер, то менеджер фирмы не может использовать угрозу увольнения, чтобы контролировать поведение наёмного рабочего, поскольку уволенный рабочий может найти равноценную занятость где угодно. Поскольку каждый экономический агент может отказаться от любого обмена без издержек, то в равновесном состоянии конкурентной экономики власть должна отсутствовать. Следовательно, вопросы распределения власти и присутствия принуждения в отношениях обмена не возникают: никто не является субъектом каких бы то ни было форм принуждения или какого-либо типа ограничения.

Момент неравенства и принуждения в обмене рассматривается как отклонение от нормального состояния, вызванное силами, внешними по отношению к экономической жизни.

В условиях отсутствия внешнего вмешательства в экономическую жизнь феномен власти (в том числе монопольной рыночной власти) носит преходящий характер, значением которого можно пренебречь.

Ещё одна из предпосылок данной модели заключается в том, что условия обмена могут быть зафиксированы в контрактах, осуществимых без издержек для обменивающихся сторон. Тем самым устраняется применение власти одними экономическими агентами для принуждения других к выполнению контрактов, в которые они вступили. В модели Вальраса характер распределения власти не имеет аллокативного и дистрибутивного эффекта в конкурентном равновесии, и, следовательно, феномен власти не представляет интереса для экономической теории. П. Самуэльсон выразил суть дела более кратко: «в модели совершенной конкуренции ... не имеет значения, кто кого нанимает; так можно допустить, что рабочий нанимает «капитал» [Цит. по: 13, с. 301].

Экономисты неоклассического направления, безусловно, признают присутствие властных структур в несовершенном рынке, где существует контроль за ценами со стороны монополий или правительства, но при этом рассматривают теорию рынка несовершенной конкуренции просто как вспомогательную к совершенному рынку и пренебрегают внерыночными структурами власти, которые необходимо окружают все рыночные системы. По мнению Ф. Перру, «сила и принуждение всегда включались в число элементов, чуждых экономической науке, в число факторов «внеэкономического» характера, благодаря чему экономист считал себя освобожденным от многих усилий и прощал себе серьезные пробелы знаний в этой области» [Цит. по: 3, с. 346].

Кроме того, в литературе неоднократно обращается внимание на ту особенность, что пренебрежение проблемой власти в хозяйственной жизни имеет не только теоретические, коренящиеся в методологических основаниях неоклассической экономической теории, но и определенные идеологические причины. Либеральная доктрина превратилась в средство идеологического обоснования и хитроумного оправдания неограниченной экономической мощи, находящейся в распоряжении отдельных лиц [8, с. 229]. К. Ротшильд пишет: «Было бы ошибкой рассматривать пренебрежение элементом власти просто как результат традиционных сил и внутренней работы теоретической экспансии. Игнорированию властного аспекта способствует тот факт, что концентрация на механике экономического и рыночного регулирования в заданных рамках позволяет экономистам избежать детального занятия фактами, которые обладающие властью социальные группы предпочитают сохранять в тумане и неопределённости. Такое желание секретности само по себе есть реальная и объективная трудность. Нигде аналогия с айсбергом не уместна так, как в этой сфере: только крошечная часть властной игры становится видимой (и то – в искажённой форме). ... Однако, что касается власти, то в данном случае открытие правды не только является трудным – оно может привести также к столкновению с закреплёнными интересами. Следовательно, учёный, работающий в социальных науках, сталкивается с трудностями, которые неизвестны учёному-естественнику» [25, с. 11].

По этому поводу В. Ойкен высказался следующим образом: «мы, экономисты, должны приподнять занавес, которым идеологии, отражающие интересы различных групп, прикрыли концентрацию экономической власти и борьбу за экономическую власть» [4, с. 251].

Однако экономический мир неоклассической теории как мир без власти и принуждения – не более чем утопия. Реальный экономический мир – это мир неравных (асимметричных) отношений, мир отношений между такими агентами, которые занимают неравные позиции в обмене и имеют неравные возможности подчинять (принуждать) друг друга. Равенство в экономической жизни, а равно и отсутствие власти, есть теоретическая абстракция и имеет место в реальной экономической жизни, скорее, как исключение, нежели как правило. В экономической системе доминируют отношения, включающие в себя власть и принуждение одного другим. В этом смысле не отсутствие власти, а именно её наличие в отношениях между экономическими агентами можно рассматривать как «естественное состояние» экономической организации общества. Таким образом, экономическая система (или система экономических отношений) выступает как система власти (или система властных отношений по преимуществу). Власть существует не только «вне», «наряду» или «над» экономическими взаимодействиями (власть государства), власть – это ещё и элемент, сторона, аспект, атрибут экономических взаимодействий: отношений обмена, найма, организации и управления производством; распределительные отношения также включают в себя властную составляющую. «Вся человеческая жизнь, – замечает Э. Тоффлер, – сводится скорее к «властным отношениям», чем к «денежным отношениям» [9, с. 55]. С точки зрения Ф. Перру, экономическая реальность есть сеть, множество явных или скрытых властных отношений, сеть взаимодействий между неравными силами, т.е. доминирующими и доминируемыми (подчинёнными) партнерами. Модели экономики равных он противопоставляет теорию экономической борьбы или экономической власти неравных экономических агентов [12, с. 30].

Экономическую систему невозможно понять без объяснения того, кто, над кем, в какой мере и с какими целями осуществляет власть.

Проблема власти остается до настоящего времени на периферии экономических исследований. Практически любой автор, пишущий по проблемам власти в экономике, считает своим долгом подчеркнуть факт недостаточности знаний в данной области. Власть, пишет К. Rothschild, должна была бы стать повторяющейся темой в экономических науках как теоретического, так и прикладного характера. Однако если мы посмотрим на главный ход экономической теории в течение прошедших ста лет, то найдём, что она характеризуется странным отсутствием рассмотрения власти. То, что люди будут использовать власть для того, чтобы изменить рыночный механизм; что неравная власть может оказывать большое влияние на результаты функционирования рынка; что люди стремятся к власти в такой же мере, как и к экономическому богатству: этими фактами по большей части пренебрегают [25, с. 7]. По признанию Дж.К. Гэлбрэйта, проблема власти остаётся «огромной чёрной дырой ортодоксальной национальной экономики» [цит. по: 7, с. 336].

Противоречие между неудовлетворительным отражением проблемы власти в ортодоксальной экономической теории, с одной стороны, и очевидным значением фактора власти в хозяйственной жизни – с другой, порождают постановку вопроса о создании теории экономической власти или, более широко, экономической теории, основанной на власти («power-based economic theory»).

При этом имеются достаточные основания согласиться с В. Ойкеном в том, что «принципиальной несовместимости экономической теории и феномена экономической власти не существует» [4, с. 251]. «Если экономическая теория разработана правильно, – пишет он, – то она не только совместима с проявлениями экономической власти, но и абсолютно необходима ... для познания феномена экономической власти» [4, с. 252].

Исследование проблем власти предполагает отказ от неоклассических предпосылок для базовой модели выбора экономических агентов и включение в поведенческую модель фактора неравенства, силы и, далее, ограниченной добровольности обмена. В этой связи D. Boscage, исследователь творчества Ф. Перру замечает: «...Способность традиционной экономической теории точно описать и объяснить различные виды неравенства в экономике, проявления власти и влияния, которые характеризуют современный капитализм, вызывает большое сомнение. Следовательно, желательно *создать новую экономическую теорию, которая дала бы анали-*

тику возможность исследовать в систематическом виде проблемы власти в экономике (выделено нами – В.Д.)» [12, с. 3].

Для объяснения власти «недостаточно понять теорию добровольного обмена: мы должны также понять логику силы (выделено нами – В.Д.)» [20, с. 2–3].

Отвечая на возражения, связанные с включением проблематики власти в экономическую теорию, Я. Таката подчёркивает: «Многие исследователи, признавая функционирование таких элементов власти в рамках экономики, считают, что их не следует включать в экономическую теорию на том основании, что они имеют внеэкономическую природу, и их следует рассматривать как нечто, качественно отличное от экономики. Однако до сих пор экономика не нуждалась в таких понятиях, как полезность, технология, население. Ни производство, ни развитие экономики нельзя анализировать, не учитывая концепцию технологии. Однако сами по себе эти факторы являются внеэкономическими. Их просто надо включить в экономический анализ как отправную точку для объяснения того, как детерминируются экономические факторы. Сама по себе полезность не считается чем-то экономическим, однако мы нуждаемся в пред-экономических понятиях как в детерминантах, объясняющих, как определяются экономические явления. Подобное положение в экономической теории занимает власть» [24, с. 117].

Подчеркивая значение проблемы власти для экономического анализа, М. Morishima предлагает различать экономику в узком смысле слова, или чистую экономику («экономическую теорию»), в то время как название «экономика», по его мнению, должно использоваться для обозначения более широкого экономического анализа, которое инкорпорирует в себя влияние власти [24, с. 10].

Я. Таката различает и противопоставляет экономику, основанную на полезности (utility economy) и экономику, основанную на власти (power economy) [28, с. 82–86]. Он полагает, что по сравнению с теорией *mainstream*, базирующейся на полезности (*utility-based theory*), экономическая теория, основанная на власти (*power-based economic theory*), является «вторым (лучшим) приближением (*approximation*)» к реальности, поскольку мир заселён активным человеческим бытием, а не просто «машинами, калькулирующими полезность». При этом он пытался не заменить теорией власти экономическую теорию предельной полезности, а, скорее, соединить их вместе. Я. Таката признаёт корректность экономической теории, основанной на полезности, однако считает её недостаточной для понимания экономической жизни. По его мнению, если не включать действие власти в экономическую теорию, то наиболее важные экономические явления не могут быть объяснены [28, с. 88]. «Я предлагаю, – пишет Я. Таката, – чтобы мы оттолкнулись от предпосылки экономики полезности и конструировали экономическую теорию, базирующуюся на предпосылке экономики, где действует власть» [28, с. 87]. Кроме того, по его мнению, экономическая теория, основанная на власти (*power based economic theory*), имеет преимущества соизмеримости с другими социальными науками на фундаментальном уровне.

Эвристическая ценность теории власти связана с тем, что реальный экономический мир – это мир неравных отношений по преимуществу. В экономической жизни отсутствуют такие механизмы, которые способствовали бы установлению равенства между экономическими агентами и исключению власти между ними. Поэтому именно неравенство можно рассматривать как «естественное состояние» экономической жизни. Можно согласиться с Ф. Перру в том, что «экономическая реальность есть сеть, множество явных или скрытых властных отношений, сеть взаимодействий между неравными силами, т.е. доминирующими и доминируемыми (подчиненными) партнерами» [12, с. 30]. Равенство – есть идеальная мыслительная конструкция. Причём такая конструкция, которая имеет ограниченную сферу применения. Поскольку, если механизмы обеспечивающие действие тенденции к реализации данной конструкции в хозяйственной жизни отсутствуют, то последняя, будучи перенесенной в сферу экономической политики, становится утопией. Таким образом, экономику целесообразно рассматривать как систему власти, которая характеризуется определенным её распределением, иерархией и борьбой за власть², а также определенным равновесием власти.

Особое значение приобретает теория власти для объяснения процессов в трансформационных экономиках.

²«...Хозяйственная жизнь, – писал В. Ойкен, – сплошь пронизана схватками за власть» [4, с. 25].

В статье, посвященной анализу трансформационных процессов, М. Олсон писал: «Нам сейчас необходима теория, в центре внимания которой была бы власть, базирующаяся на принуждении, а также те выгоды, которая она приносит; теория, объясняющая поведенческие мотивы к получению власти, основанной на принуждении, и побудительные мотивы, стоящие перед теми, кто ею уже обладает» [6, с. 54]. Не случайно свою книгу, посвященную вопросам власти, М. Олсон написал на базе проблем, возникающих в трансформационных экономиках.

Дело в том, что когда экономическая система подвергается достаточно глубоким преобразованиям в относительно короткий период времени, могут проявляться и выходить на первое место такие её черты и свойства, которые менее заметны, когда мы имеем дело со стабильной и равновесной экономической системой. К одной из таких проблем относится и проблема экономической власти, ее организации и распределения, которая, по нашему мнению, превратилась в одну из центральных проблем в переходной экономике. Одним из условий реформирования хозяйства является реформирование властных отношений в экономике. Главная проблема, с которой столкнулась переходная экономика – это отсутствие общественно-необходимого порядка власти (выражение Э. Тоффлера), что проявляется, с одной стороны, в наличии избытка частной экономической власти, с другой стороны – в недостатке эффективной власти³. Проблема ограничения эффективности в переходной экономике состоит не столько в транзакционных издержках в нортковском понимании этого термина, сколько в высоких «издержках произвола», возникающих вследствие отсутствия эффективного порядка власти.

Это означает, в частности, что экономические отношения и институты: собственность, формы обмена, организационные формы предприятий, распределительные отношения и другие должны исследоваться с точки зрения их властной составляющей, – какую власть они порождают, и результатом какой власти они являются.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Анализ феномена экономической власти должен способствовать поиску ответа на вопрос: в чем состоит общественно-необходимый порядок власти – *кто, над кем (чем), в каких пределах, какими методами и ради достижения каких целей должен осуществлять власть в экономической жизни общества*.

Вместе с тем ответ на поставленный вопрос, учитывая «междисциплинарный» характер феномена власти, может быть найден, по нашему мнению, только на путях объединения усилий экономистов, социологов и специалистов в области права. Не случайно К. Rothschild в качестве эпиграфа к книге «Power in Economics» выбрал высказывание Б. Расселла, которым автор и закончит настоящую статью: «Экономика как отдельная наука нереалистична и ведет по неправильному пути (misleading), если брать её как руководство к практике. Есть только одна основа – самая важная основа, это правда – в более широкой науке, науке о власти» [26, с. 92].

Список использованной литературы

1. Гэлбрэйт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Дж.К. Гэлбрэйт. – М.: Прогресс, 1976. – 406 с.
2. Гэлбрэйт Дж.К. Новое индустриальное общество / Дж.К. Гэлбрэйт. – М.: Прогресс, 1969. – 406 с.
3. Жамс Э. История экономической мысли XX века / Э. Жамс. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 572 с.
4. Ойкен В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.
5. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.
6. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста / М. Олсон // Экономика и математические методы. – 1995. – Т. 31. – Вып. 4. – С. 53–81.
7. Освальд В. Теория хозяйственного порядка как методология исследования экономической власти / В. Освальд // Ойкен В. Основы национальной экономики – М.: Экономика, 1996. – 351 с.

³«...И избыточная, и недостаточная власть равно приводят к ужасным социальным последствиям», – признаёт Э. Тоффлер [9, с. 577].

8. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Б. Селигмен. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
9. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.
10. Albert H. The Neglect of Sociology in Economic Science / H. Albert // Power in Economics. Ed. by K. Rothschild. – Harmondworth: Penguin books, 1971. – P. 21–35.
11. Bardhan P. On the Concept of Power in Economics / P. Bardhan // Economics and Politics. – 1991. – Vol. 3. November. – P. 265–277.
12. Bocage D. General Economic Theory of Fracois Perroux / D. Bocage. – Lahman: University Press of America, 1985. – 205 p.
13. Bowles S. Power in Economic Theory / S. Bowles, H. Gintis // The Elgar Companion to Radical Political Economy. Ed. by P. Arestis and M. Sawyer. – Aldershot: Edward Elgar, 1994. – P. 300–305.
14. Bowles S. Contested Exchange: Political Economy and Modern Economic Theory / S. Bowles, H. Gintis // American Economic Review. – 1988. – № 78/2. – P. 145–150.
15. Companion to Contemporary Economic Thought / Ed. by D. Greenaway, M. Bleaney, I. Stewart. – London and New York: Routledge, 1991. – 654 p.
16. Dugger W.M. Underground Economic. A Decade of Institutional Dissent / W.M. Dugger. – Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc., 1992. – 325 p.
17. Economy as a System of Power / Ed. by M.R. Tool and W.J. Samuels. – New Brunswick (U.S.A.) and Oxford (U.K.): Transaction Publisher, 1988. – 430 p.
18. Galbraith J.K. The Anatomy of Power/ J.K. Galbraith. – Bungay, Suffolk: Richard Clay Ltd., 1984. – 189 p.
19. Holton R. Economy and Society / R. Holton. – London: Routledge, 1992. – 231 p.
20. Olson V. Power and Prosperity: outgrowing communism and capitalist dictatorships / V. Olson. – New York: Basic books, 2000. – 225 p.
21. Papandreou A. Externality and Institutions / A. Papandreou. – Oxford: Claredon Press, 1994. – 321 p.
22. Perroux F. The Domination Effect and Modern Economic Theory / F. Perroux // Power in Economics // Ed. by K.W. Rothschild. – Harmondworth: Penguin books, 1971. – P. 56–73.
23. Power in Economics / Ed. by K.W. Rothschild. – Harmondworth: Penguin books. 1971. – 344 p.
24. Power or Pure Economics? Joseph A. Schumpeter and Yasuma Takata. Ed. By M. Morishima. – London: Macmillan Distribution Ltd., 1998. – 199 p.
25. Rothschild K. Introduction / K. Rothschild // Power in Economics. Ed. by K.W. Rothschild. – Harmondworth: Penguin, 1971. – P. 7–17.
26. Russell B. Power/ B. Russell. – London and New York: Routledge, 2000. – 207 p.
27. Schutz E. Markets and Power / E. Schutz // Journal of Economic Issues. – 1995. – Vol. XXIX. – No.4. – P. 1147–1170.
28. Takata Y. Power Theory of Economics / Y. Takata. – New York: St. Martins Press. 1995. – 199 p.
29. The Politics and Economics of Power. Ed. By S. Bowles, M. Fransini, U. Pagano. – London and New York: Routledge, 1999. – 364 p.
30. Young D. The Meaning and Role of Power in Economic Theories / D. Young // On Economic Institutions: Theory and Applications. Ed. By J. Groenegen, C. Pitelis, and S.-E. Sjostrand. – Aldershot: Edward Elgar, 1995. – P. 85–99.

Стаття присвячена аналізу проблеми влади в сучасній економічній теорії. Показано, що створення теорії економічної влади передбачає відмову від неокласичних передумов для базової моделі вибору економічних агентів і включення в поведінкову модель фактора нерівності, сили, обмеженої добровільності обміну.

Ключові слова: влада, економічна влада, примус, неокласична теорія.

The article is devoted to the analysis of power problem in modern economic theory. It is rotined that creation of economic power theory is supposed by the waiver of neoclassical pre-conditions for the base model of economic agents choice and inclusion to the behavioral model of inequality factor, **strength, limited** voluntarily of exchange.

Key words: power, economic power, compulsion, neoclassical theory.

Надійшло до редакції 20.06.2012.